

Энжела Полянки

Поэтические
Переводы

УДК 259-15
ББК 411 (Арма)
М 32

Составитель, автор комментария Симха Ковальская.
Оформление О. Альгольц, К Криенко.

Энжела Полянски
М 32 Поэтические переводы: Стихотворения/Энжела Полянски;
[Составитель, автор комментария Симха Ковальская]. – М.:
Арма 2020. Тель – Авив. Самиздат.

Энжела Полянски широко известная читателям израильский поэт, прозаик, публицист. Возможно, единственная из русскоязычных литераторов, избежавшая ассимиляции в многочисленном разнообразии восточных культур, и пишущая в кумулятивно-собирательном образтрадиционном русском жанре. Произведения автора отличаются незаурядная для современной поэзии целостность, самовыразительная глубина слога и мелодичность. Некоторые из сочинений Энжелы Полянски легли в основу спектаклей, классических русских романсов и песен.

Российский союз писателей не раз оценивал заслуги поэта.

Энжела Полянски является номинантом национальных литературных премий «Поэт года» 2015 – 16 гг. и «Писатель года» 2016 г. Номинант литературной премии «Наследие» 2016 г. Произведения поэта включены в Антологию русской поэзии за 2018 - 19 гг. Удостоена Пушкинской медалью за вклад в развитие русской литературы. Кавалер медали Антона Павловича Чехова.

УДК 259-15
ББК 411 (Арма)
М 32

ISBN 113-9-558-12126-5

Содержание

John Keats. The day is gone, and all its sweets.....	1
Matthew Arnold. Longing.....	3
Edna St. Vinsent Millay. Love is not all.....	5
Dante Gabriel Rossetti. Sudden Light.....	7
Robert Frost. Acquainted with the night.....	9
Robert Frost. Now close the windows.....	11
William Wordsworth. The solitary reaper.....	13
William Wordsworth. Daffodils.....	17
William Wordsworth. On Westminster Bridge.....	20
James Joyce. Simple.....	22
James Joyce. She weeps over Pahoona.....	24
Lewis Carroll. Brother And Sister.....	26
Hartley Coleridge. November.....	29
Hartley Coleridge. September.....	31
Oscar Wilde. Camma.....	33
Oscar Wilde. Impression du Matin.....	35
Oscar Wilde. Symphony in Yellow.....	37
Robert Frost. Stopping By Woods on a Snowy Evening.....	39
Robert Frost. Dust of Snow.....	41
George Meredith. Song in the Songless.....	42

Тель – Авив
Самиздат
2020

John Keats.

The day is gone and all its sweets

The day is gone, and all its sweets are gone!
Sweet voice, sweet lips, soft hand, and softer breast,
Warm breath, light whisper, tender semitone,
Bright eyes, accomplished shape, and lang'rous waist!
Faded the flower and all its budded charms,
Faded the sight of beauty from my eyes,
Faded the shape of beauty from my arms,
Faded the voice, warmth, whiteness, paradise—
Vanished unseasonably at shut of eve,
When the dusk holiday—or holineight
Of fragrant-curtained love begins to weave
The woof of darkness thick, for hid delight;
But, as I've read love's missal through today,
He'll let me sleep, seeing I fast and pray.

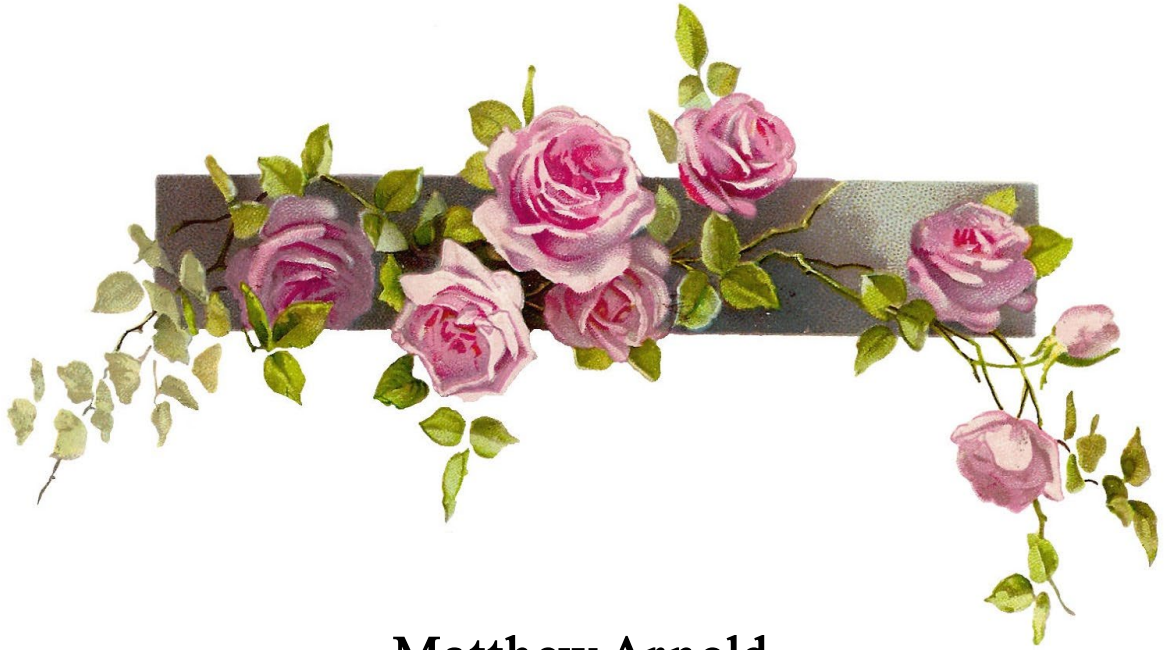
Погасло солнце, а с ним вся прелесть дня;
Пастельные тона, сладкий голос, груди, губы, руки,
Ясные глаза, легкий шепот твой,
И все, что составляет образы и звуки.

Так увядают прекрасные цветы;
Из рук моих уплыло совершенство,
Растаяли в сумраке ночном
Восторг, безумие, блаженство.

Под пологом ночным, медвяный аромат,
Любовь разлила для страстных наслаждений,
Все думы, лишь только о тебе,
Мое волшебное и нежное виденье.

Но я молитвенник любви читал и вновь,
Молю: «Пошли мне Господи, рой забвенных снов!»

Matthew Arnold.

Longing

Come to me in my dreams, and then
By day I shall be well again!
For so the night will more than pay
The hopeless longing of the day.

Come, as thou cam'st a thousand times,
A messenger from radiant climes,
And smile on thy new world, and be
As kind to others as to me!

Or, as thou never cam'st in sooth,
Come now, and let me dream it truth,
And part my hair, and kiss my brow,
And say, My love why sufferest thou?

Come to me in my dreams, and then
By day I shall be well again!
For so the night will more than pay
The hopeless longing of the day.

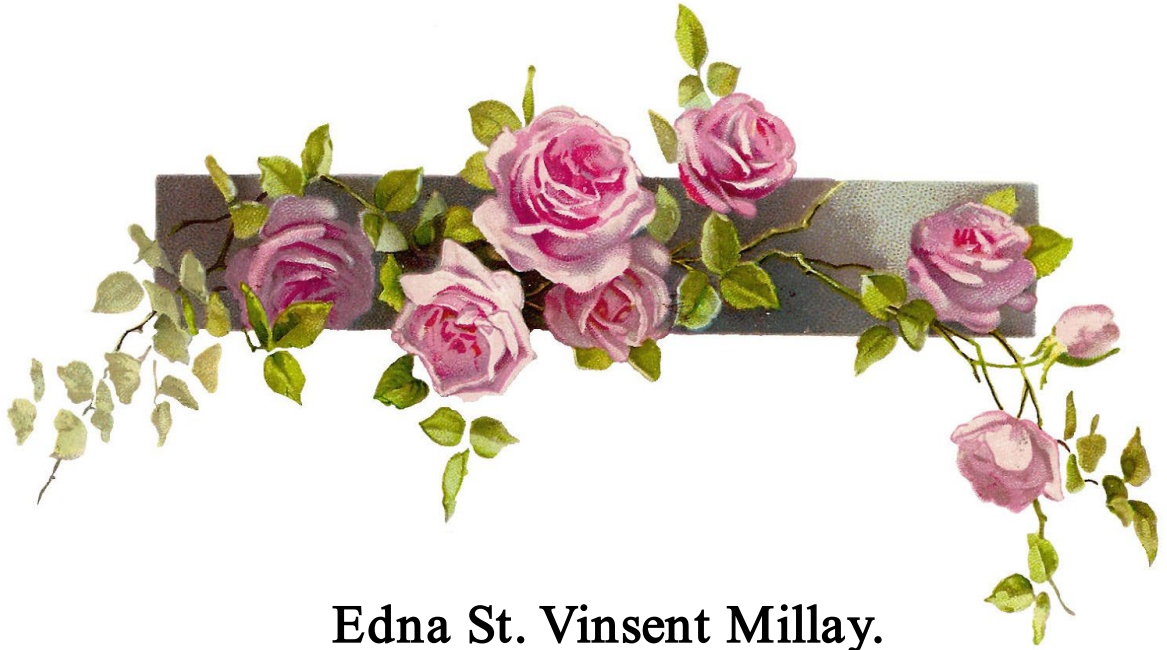

Приди ко мне во сне, прошу,
И будет день моей отрадой,
Так за безнадежную тоску,
Воздаст мне ночь, свою награду.
Приди ко мне сто тысяч раз,
Посланникам из стран лучистых,
Улыбкой теплою согрей,
Как мир твой, девственной и чистой.

Явись ко мне в моих мечтах -
Живой, из плоти, настоящей,
И нежно кудри мне ласкай,
Целуя в бровь, как можно слаще.
Шепни на ушко: - «О любовь,
Зачем меня ты отпускаешь?
Зачем себя и день и ночь,
Страданьем горестным терзаешь?»

Приди ко мне во сне, прошу,
И будет день моей отрадой,
Так за безнадежную тоску,
Воздаст мне ночь, свою награду.

Edna St. Vinsent Millay.

Love is not all

Love is not all: It is not meat nor drink
Nor slumber nor a roof against the rain,
Nor yet a floating spar to men that sink
and rise and sink and rise and sink again.

Love cannot fill the thickened lung with breath
Nor clean the blood, nor set the fractured bone;
Yet many a man is making friends with death
even as I speak, for lack of love alone.

It well may be that in a difficult hour,
pinned down by need and moaning for release
or nagged by want past resolution's power,
I might be driven to sell your love for peace,

Or trade the memory of this night for food.
It may well be. I do not think I would.

Любовь, ещё не все... Не хлеб и не питье,
Ни сладкая дремота в час ненастья,
И ни мужчина, с кем делишь пополам,
Порою горе, порой минуты счастья.

Любовь не в силах, наполнить духом грудь,
Очистить кровь, иль залечить большую рану,
И тем не менее, мы смерть зовем в друзья,
Предавшись, нелепому обману.

Быть может статья, однажды в трудный час,
Стеная от возвышенного чувства,
Свою любовь, я миру подарю,
Спасаясь от верного безумства;

Иль память, предам о ночи сей,
Вполне возможно... Но полноте речей.

Dante Gabriel Rossetti.

Sudden Light

I have been here before,
But when or how I cannot tell:
I know the grass beyond the door,
The sweet keen smell,
The sighing sound, the lights around the shore.

You have been mine before, -
How long ago I may not know:
But just when at that swallow's soar
Your neck turned so,
Some veil did fall, - I knew it all of yore.

Has this been thus before?
And shall not thus time's eddying flight
Still with our lives our loves restore
In death's despite,
And day and night yield one delight once more?

Я раньше здесь бывал,
Когда, зачем не помню...
Но помню пряный аромат,
Душистых трав,
Вздох ветра, лазурный теплый берег.

Я помню Вас, давным-давно;
Откуда, сам не знаю,
Но Вы, на ласточку взглянув,
Мне осени былой,
напомнили печали.

Ах, было ль прошлое? Увы,
Все кануло в лета.
И все же, как любовь вернуть,
Как смерть на веки обмануть,
И днем и ночью, восторгами живя?

Robert Frost.

Acquainted with the night

I have been one acquainted with the night.
I have walked out in rain - and back in rain.
I have outwalked the furthest city light.
I have looked down the saddest city lane.
I have passed by the watchman on his beat
And dropped my eyes, unwilling to explain.
I have stood still and stopped the sound of feet
When far away an interrupted cry
Came over houses from another street,
But not to call me back or say good-by;
And further still at an unearthly height,
One luminary clock against the sky
Proclaimed the time was neither wrong nor right.
I have been one acquainted with the night.

Я ночь познал, я с ней на - «Ты».
Я вышел в дождь, с дождем вернулся,
Печальным, город мнился мне;
В его огнях я обманулся.
Я мимо стражника прошел,
Безмолвно, взором не касаясь,
И звук шагов своих прервал,
Расслышать крик вдали пытаюсь.

Он над жилищами разнесся,
И не зовя и не прощаясь...
То в выси маятник часов,
Звучал как колокол, качаясь;
И звездный циферблат во тьме,
Вращался, словно неподвижно,
Но стрелок не было на нем,
Хоть время, и летело вихрем.

Я ночь познал, я с ней на - «Ты».

Robert Frost.

Now close the windows

Now close the windows and hush all the fields:
If the trees must, let them silently toss;
No bird is singing now, and if there is,
Be it my loss.

It will be long ere the marshes resume,
It will be long ere the earliest bird:
So close the windows and not hear the wind,
But see all wind-stirred.

Закройте ставни, пусть стихнет песнь полей,
И шепот леса, в дом мой не впускайте,
Мне безотрадны трели соловья;
Печаль мою, прошу, не прогоняйте.

Надолго время, замрет в тиши болот,
Покуда птицы, не вернуться в сень с весною;
И ветер, смолкнет за окном,
Над желтою, дрожащею листвою.

William Wordsworth.

The solitary reaper

Behold her, single in the field,
Yon solitary Highland Lass!
Reaping and singing by herself;
Stop here, or gently pass!
Alone she cuts, and binds the grain,
And sings a melancholy strain;
O listen! for the Vale profound
Is overflowing with the sound.

No Nightingale did ever chaunt
So sweetly to reposing bands
Of Travellers in some shady haunt,
Among Arabian Sands:
No sweeter voice was ever heard
In spring-time from the Cuckoo-bird,
Breaking the silence of the seas
Among the farthest Hebrides.

Will no one tell me what she sings?
Perhaps the plaintive numbers flow
For old, unhappy, far-off things,
And battles long ago:
Or is it some more humble lay,
Familiar matter of today?
Some natural sorrow, loss, or pain,
That has been, and may be again!

Whate'er the theme, the Maiden sung
As if her song could have no ending;
I saw her singing at her work,
And o'er the sickle bending;
I listen'd till I had my fill;
And, as I mounted up the hill,
The music in my heart I bore,
Long after it was heard no more

Тсс! Прислушайтесь!
Шотландка молодая
Одна во поле, и с серпом,
Срезая рож, поет уныло,
Ласкаема каждым колоском.
Повяжет сноп она, и вновь,
Затянет свой мотив печальный,
И будет литься он ручьем,
Отрадой чистой и хрустальной.

Так солнцем путник утомленный,
Среди Персидского песка,
В тени оазиса внимает,
С блаженством,
Трелям соловья.
О, так в весенней тишине,
Кукушки слышен зов влюбленный,
В дали Гебридских островов,
В пустынных землях отдаленных.

Но кто откроет мне секрет,
Неужто мне никто не скажет,
О чем горючи поет,
За жатвой жница молодая?!
О горе, боли иль беде,
О сердцу милой стороне,
О черных днях минувших в Лето;
А может просто это грусть,
Что и не требует ответа?

О чем бы девушка ни пела,
У песни не было конца,
И песня птицей улетала,
При каждом взмахе,
Её серпа.
Я все стоял, стоял и слушал,
Но время было уходить;
На холм взобравшись,
В своем сердце, я песню жницы уносил.

William Wordsworth.

Daffodils

I wandered lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze.

Continuous as the stars that shine
And twinkle on the milky way,
They stretched in never-ending line
Along the margin of a bay:
Ten thousand saw I at a glance,
Tossing their heads in sprightly dance.

The waves beside them danced, but they
Out-did the sparkling leaves in glee;
A poet could not be but gay,
In such a jocund company!
I gazed—and gazed—but little thought
What wealth the show to me had brought:

For oft, when on my couch I lie
In vacant or in pensive mood,
They flash upon that inward eye
Which is the bliss of solitude;
And then my heart with pleasure fills,
And dances with the daffodils.

Среди долин, холмов зеленых,
Блуждал я облаком седым,
Вдруг очутился перед рощей,
Среди нарциссов золотых.
Они над озером склонено,
Внимали ветру упоенно.

Цветы прекрасные сияли,
Как звезды млечного пути,
И вились нитью нескончаемой,
До края неба и земли.
Их взором было не объять,
Но все манили танцевать.

И зыбь зеркальная качаясь,
Ликуя в блеске голубом,
Тоску поэта разгоняла,
Скользящим, по нему лучом.
Ну, разве мог я догадаться,
Какое мне открылась царство!

Отныне в сладкий час блаженства,
В минуты думы при свечах,
Цветы мне душу озаряют,
Нежданно мысленно являсь.
И сердце полнит утешенье,
Что вновь в ту рощу я вернусь.

William Wordsworth.
On Westminster Bridge

Earth has not anything to show more fair:
Dull would he be of soul who could pass by
A sight so touching in its majesty:
This City now doth, like a garment, wear
The beauty of the morning; silent, bare,
Ships, towers, domes, theatres, and temples lie
Open unto the fields, and to the sky;
All bright and glittering in the smokeless air.
Never did sun more beautifully steep
In his first splendour, valley, rock, or hill;
Ne'er saw I, never felt, a calm so deep!
The river glideth at his own sweet will:
Dear God! the very houses seem asleep;
And all that mighty heart is lying still!

О, как изящна, пленительна куртина,
Чей дух останется немой,
При созерцании величавого пейзажа,
В коем утро, чарует красотой?!

Заря безмолвно, полная восторга,
Одела в ризу: - театры, храмы, корабли;
И башни, качаются на волнах,
В прозрачности блистающей реки.

В лазури чистой, негою глубокой,
Сияет солнце в долине голубой,
Холмы зеленые и скалы в снежных шапках,
Влекут мой взор, девственной красой.

Я переполнен чувствами безмерно,
Но город спит, так сладко в тишине...

И сердце исполина безмятежно,
Бьется, в чутком полусне.

James Joyce.

Simples

O bella bionda,
Sei come l'onda!

Of cool sweet dew and radiance mild
The moon a web of silence weaves
In the still garden where a child
Gathers the simple salad leaves.

A moon dew stars her hanging hair
And moonlight kisses her young brow
And, gathering, she sings an air:
Fair as the wave is, fair, art thou!

Be mine, I pray, a waxen ear
To shield me from her childish croon
And mine a shielded heart for her
Who gathers simples of the moon.

O bella bionda,
Sei come l'onda!

В блеске прохладной, медвяной росы,
Луна паутинки молчанья сплетает,
А девица, в волшебном лесу,
Колдовскую траву собирает.

В косах ее, звезды горят,
Чело молодое, свет лунный лобзает;
«О, ты прекрасна словно волна!»
Вздыхая, она напевает.

Но как мне воском уши закрыть,
Чтобы не слышать сих нежных мотивов,
Чтобы не грезить, не думать о той...
Кто травы, под луной собирает.

James Joyce.

She weeps over Pahoon

Rain on Rahoon falls softly, softly falling,
Where my dark lover lies.
Sad is his voice that calls me, sadly calling,
At grey moonrise.

Love, hear thou
How soft, how sad his voice is ever calling,
Ever unanswered, and the dark rain falling,
Then as now.

Dark too our hearts, O love, shall lie and cold
As his sad heart has lain
Under the moongrey nettles, the black mould
And muttering rain.

Дождь над Рахуном тихо плачет,
Там спит любовник молодой,
Печальный глас к нему взывает,
В саду, под сумрачной луной.

Моя любовь, услышь меня!
Как нежен, ласков был твой голос;
В ответ лишь слышен всхлип дождя...
Листвы осенней шорох.

В холодном мраке ты лежишь,
И я усну с тобою,
И пусть бормочет стылый дождь,
Над дерном с крапивою.

Lewis Carroll.
Brother And Sister

"Sister, sister, go to bed!
Go and rest your weary head."
Thus the prudent brother said.

"Do you want a battered hide,
Or scratches to your face applied?"
Thus his sister calm replied.

"Sister, do not raise my wrath.
I'd make you into mutton broth
As easily as kill a moth"

The sister raised her beaming eye
And looked on him indignantly
And sternly answered, "Only try!"

Off to the cook he quickly ran.
"Dear Cook, please lend a frying-pan
To me as quickly as you can."

And wherefore should I lend it you?"
"The reason, Cook, is plain to view.
I wish to make an Irish stew."

"What meat is in that stew to go?"
"My sister'll be the contents!"
"Oh"
"You'll lend the pan to me, Cook?"
"No!"
Moral: Never stew your sister.

Моя дорогая голубка сестра,
Ночь на дворе, и спать нам пора,
А потому, ложись - ка в постель,
Позволь отдохнуть головке своей!

Ах ты коварный, расчетливый брат,
Да ты полуголой, меня видеть рад!
Или мало царапин тебе,
Я оставляю на бесстыдном лице?!

Сестрица, Бога прошу, не гневи,
И зверя во мне, отнюдь, не буди!
Я же тебя, как мотылька раздавлю,
И стряпаю великолепное баранье рагу.

- Ну и мерзавец! Взвопила сестра:
- Только посмей, тронуть меня!
Воздев прекрасные очи к луне,
Пылала девица, словно в огне.

Брат же на кухню лишь пятки блестят,
Глаза в нетерпенье угольками горят;
- Кухарка, пожалуйста, займи сковородку,
Молю, побыстрей, мне очень в охотку!

Позвольте спросить хозяин, но право,
Разве сковородка это забава?!
Причина, как день ясный проста,
Рагу по - ирландски тушить буду я!

Но с чем Вы намеренны готовить рагу?!
Я за основу сестрицу возьму!
Бог с Вами, хозяин!
Простите... Но нет,
Видно ночной у Вас это бред!

Мораль:
Обычный спор с родной сестрой,
Не разрешить сковородой!

Hartley Coleridge.

November

The mellow year is hasting to its close:
The little birds have almost sung their last,
Their small notes twitter in the dreary blast -
That shrill-piped harbinger of early snows; -
The patient beauty of the scentless rose,
Oft with the morn's hoar crystal quaintly glassed,
Hangs a pale mourner for the summer past,
And makes a little summer where it grows; -
In the chill sunbeam of the faint brief day
The dusky waters shudder as they shine;
The russet leaves obstruct the straggling way
Of oozy brooks, which no deep banks define,
And the gaunt woods, in ragged, scant array,
Wrap their old limbs with sombre ivy-twine.

Близится год к завершению,
И все реже птицы поют,
Их тоскливый щебет вещает: -
«Близко время морозов и вьюг!»

Душистые розы поникли;
Синий иней по утрам на стекле,
Причудливо пишет куртины,
Словно лето рисует оне.

От лучей прощальных трепещет,
Гладь, сияющих вод,
Рыжие листья, качаясь на зыбях,
Тоскливо глядят в небосвод.

И леса, в сумрачный плющ,
Обернулись в рванных одеждах,
И безмолвно ждут холодов,
Полные весенней надежды.

Hartley Coleridge.

September

The dark green Summer, with its massive hues,
Fades into Autumn's tincture manifold.
A gorgeous garniture of fire and gold
The high slope of the ferny hill indues.
The mists of morn in slumbering layers diffuse
O'er glimmering rock, smooth lake, and spiked array
Of hedge-row thorns, a unity of grey.
All things appear their tangible form to lose
In ghostly vastness. But anon the gloom
Melts, as the Sun puts off his muddy veil;
And now the birds their twittering songs resume,
All Summer silent in the leafy dale.
In Spring they piped of love on every tree,
But now they sing the song of memory.

Вот и лета изумрудного краски,
Разбавила осень в настойках цветных,
В великолепии багрянца и злата,
За холмами утопают цветы.

Ранним утром пасутся туманы,
На вершинах сияющих скал;
Серебром отражается ельник,
В тонкой глади озерных зеркал.

Но порою лазурные дали,
Затмевают стада мрачных туч;
Уже птицы покинули сени,
И грядет пора властных стуж.

Лишь с весною птахи вернуться,
Снова трели любви зазвучат,
А пока, песню памяти в вальсе,
Шепчет в лесу листопад.

Oscar Wilde.

Camma

As one who poring on a Grecian urn
Scans the fair shapes some Attic hand hath made,
God with slim goddess, goodly man with maid,
And for their beauty's sake is loth to turn
And face the obvious day, must I not yearn
For many a secret moon of indolent bliss,
When in the midmost shrine of Artemis
I see thee standing, antique-limbed, and stern?

And yet - methinks I'd rather see thee play
That serpent of old Nile, whose witchery
Made Emperors drunken, - come, great Egypt, shake
Our stage with all thy mimic pageants! Nay,
I am grown sick of unreal passions, make
The world thine Actium, me thine Antony!

Я упоенный безмерным восхищеньем,
Греческую урну созерцал,
Блестящее творенье человека -
Чудесных форм и красок идеал.
Десницей античного гончара,
Горельефы воссозданы Богов,
Но взор прекрасной Артемиды,
Манил меня в таинственный альков.

И тем не менее, Царицею прельщенный,
Я наблюдал, как ты играла со змеей,
И оживали мрачные виденья,
Над древнею Египетской землей.
Однако, довольно пошлых зрелищ,
Дешевых, необузданных страстей,
Возрадуйся! Празднуй же победу,
Твой Мир – Аксиум, а я Антоний твой!

Oscar Wilde.

Impression du Matin

The Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in grey:
A barge with ochre-coloured hay
Dropt from the wharf: and chill and cold

The yellow fog came creeping down
The bridges, till the houses' walls
Seemed changed to shadows, and S. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town.

Then suddenly arose the clang
Of waking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.

But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamps' flare,
With lips of flame and heart of stone.

В лазурно – золотой ноктюрн,
Рассвет внес мрачные мотивы;
По водам Темзы серо – синий,
Качаясь, катится ладья.

Туман седой с мостов клубится,
Весь Лондон в сумрак погружен,
Лишь мнится, что Собор, как призрак,
Эфиром будто окрылен.

Однако, солнце пробудившись,
Стрянуло грусть с золотых ресниц,
И город слился в общем хоре,
Защебетали стайки птиц.

И только женщина бессильно,
Под взором фонарей брела,
Ей утро кудри целовало,
Но жизнь в ней словно, умерла.

Oscar Wilde.

Symphony in Yellow

An omnibus across the bridge
Crawls like a yellow butterfly,
And, here and there, a passer-by

Shows like a little restless midge.

Big barges full of yellow hay
Are moved against the shadowy wharf,
And, like a yellow silken scarf,

The thick fog hangs along the quay.

The yellow leaves begin to fade
And flutter from the Temple elms,
And at my feet the pale green Thames

Lies like a rod of rippled jade.

Омнибус по мосту ползет;
Он словно желтый мотылек,
Вокруг него туда – сюда...

Спешит прохожих мошкара.

Под желтым сеном у причала,
Качаясь, катится ладья,
Туман густой шарфом атласным...

Окутал в желтом берега.

И с вязов желтая листва,
Срываясь, по ветру летит,
Лишь Темза блеклая у ног...

Как жезл нефритовый лежит.

Robert Frost.

Stopping By Woods on a Snowy Evening

Whose woods these are I think I know.
His house is in the village though;
He will not see me stopping here
To watch his woods fill up with snow.

My little horse must think it queer
To stop without a farmhouse near
Between the woods and frozen lake
The darkest evening of the year.

He gives his harness bells a shake
To ask if there is some mistake.
The only other sound's the sweep
Of easy wind and downy flake.

The woods are lovely, dark and deep.
But I have promises to keep,
And miles to go before I sleep,
And miles to go before I sleep.

В лесу я снежном очутился,
Его хозяин мне знаком;
Но я, под елкой схоронившись,
Любуюсь дивной красотой.

Моей лошадке невдомек,
Что я пейзажем очарован,
И словно к зеркалу души,
Хрустальным озером прикован.

А между, тем под шелест ветра,
Вечор глядится золотой;
Скакун, махая черной гривой,
Спешит умчаться, прочь, домой.

Не в силах я сей лес покинуть,
А конь зовет: Пора, пора...
И колокольчик напевает:
Во сне вернешься ты сюда,
Во сне вернешься ты сюда.

Robert Frost.

Dust of Snow

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree
Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued.

С болиголова,
Вспорхнула ворона;
С веток посыпалась,
Снежная пыль,
И от того,
Сердцу стало теплее;
Прожитый день,
Не казался пустым.

George Meredith.
Song in the Songless

They have no song, the sedges dry,
And still they sing.
It is within my breast they sing,
As I pass by.
Within my breast they touch a string,
They wake a sigh.
There is but sound of sedges dry;
In me they sing.

У сухой осоки, нет песни говорят;
И все ж... Она поет,
Ее мотив в груди моей,
Отрадою живет.

Когда души коснулись струны,
Эфир вокруг ожил,
И лишь осоки звуки лились,
Объяввшие весь мир.

